

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Угрин И.М. Категория «вечного» в контексте проблемного поля ценностно-ориентированного развития //

Философская мысль. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72731 EDN: WVVGUF URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72731

Категория «вечного» в контексте проблемного поля ценностно-ориентированного развития

Угрин Иван Михайлович

кандидат политических наук

доцент; кафедра политологии; Государственный академический университет гуманитарных наук
научный сотрудник; Институт философии РАН

109240, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Гончарная, 12

✉ ivan_ugrin@mail.ru

[Статья из рубрики "Традиции и инновации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.12.72731

EDN:

WVVGUF

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2024

Дата публикации:

19-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается проблема содержательного наполнения понятия «традиционных духовно-нравственных ценностей», сохранение и укрепление которых рассматривается как одна из приоритетных задач государственной политики РФ. Анализируется каждая из составляющих этого понятия. Категории «духовного» и «нравственного», взятые вне контекста определенной системы мировоззрения, в ходе анализа признаются недостаточными для четкой артикуляции смыслов на официальном государственном уровне. Анализ понятия «традиционное» приводит к мысли о несводимости общероссийских ценностей к одному источнику, рассматриваемому в историческом ракурсе, к одной из существующих в культурном поле российской цивилизации больших традиций. Предлагается подойти к этому термину с иной точки зрения. А именно привнести глубину в понятие «традиционное» через категорию

«вечного». Вечные ценности, которые коренятся в метафизической природе реальности, подразумевают содержательное единство при сосуществовании множественности форм, в которых эти ценности отражаются. Такое представление о вечных ценностях отвечают характеру мысли русской религиозной философии (среди представителей которой В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк И.А. Ильин и др.), а также согласно с представлением о Вечной Традиции (которое разделяли такие мыслители как Рене Генон, Ананда Кумара свами и Матжиои). Кроме того, оно позволяет решить ряд фундаментальных проблем, встающих перед цивилизационной теорией развития. В итоге делается вывод о том, что ценностно-ориентированная политика, понимаемая как политика, имеющая в качестве ориентиров развития вечные духовно-нравственные ценности, весьма перспективна и позволяет дать ответы на стоящие перед нашей страной исторические вызовы.

Ключевые слова:

традиционные ценности, цивилизационная теория, российское государство, парадигма развития, исторические вызовы, духовное и материальное, единство многообразия, метакультурный синтез, глобальные перемены, вечные ценности

Брат, покинем все,

что меняется быстро.

Иначе мы не успеем

подумать о том, что

для всех неизменно.

Подумать о вечном.

Н.К. Рерих. «О вечном».

Введение

Геополитическая напряженность последнего десятилетия, связанная с нарастающими противоречиями между Западом, последовательно утрачивающим свои гегемонистские позиции, и Россией, последовательно возвращающей свой геоцивилизационный суверенитет, отражена в противостоянии двух проектов будущего мироустройства: глобалистского и многополярного. В ноябре 2022 года произошло важное событие, ставшее значимой вехой в процессе цивилизационного самоопределения России, - Президентом РФ был издан указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В поддержку этого указа образовалось гражданское движение, вылившееся в проведение нескольких Форумов гражданских инициатив «Россия 809», что свидетельствует о том, что этот указ не является просто «очередным» указом, «на ряду» с другими регулирующим действия органов исполнительной власти, а выражает в себе глубинные чаяния народа. В октябре 2023 года была проведена масштабная конференция «Традиция и современность: аксиология российской цивилизации» (Москва, ГАУГН, 25 октября 2023 г.), одной из главных целей которой было создание площадки для обсуждения названных в указе традиционных духовных ценностей в среде ученых гуманитарной мысли, разной дисциплинарной направленности (философов,

культурологов, историков, психологов, политологов, филологов) [\[6\]](#) . Одним из организаторов этой конференции был автор данных строк. Конференция показала актуальность поднятых тем, необходимость дальнейшего расширения и конкретизации мер, обеспечивающих духовную безопасность страны, с чем согласилось большинство участников собрания. Единодушие, вообще редко встречаемое на научных мероприятиях подобного рода, было отличительной чертой состоявшегося обсуждения. Единодушие, конечно, не означает единомыслия. Был поднят ряд острых проблем, философского и научного порядка, которые с неизбежностью встают, когда мы обращаемся к теме традиционного и современного. Размышления об одной из таких проблем и возможных ее решениях легло в основу данной статьи.

Общероссийские духовно-нравственные ценности

Не вызывает сомнений, что общество, которое не имеет определенности в том, какие ценности оно полагает основополагающими для самого себя, для своего существования как целого, будет подвержено процессам разложения, вызванных разнаправленностью ценностно-целевых ориентиров его членов и общественных групп. Сложно поспорить с тем, что «каждая культура сильна тем, что обретает собственную версию смысла существования» [\[8, с.103\]](#). Если у нас нет общих ценностей, то и согласоваться вокруг общего смысла и больших целей крайне проблематично. В особенности это проблематично для такого многообразного по своему составу общества, как российское. А если нет общих целей, которые бы разделяло большинство населения страны, то нет и вектора для движения, а значит развитие общества либо останавливается, либо продолжается по инерции. Инерционное развитие не длится долго. Если мы заинтересованы в развитии, обнаружение и формулирование общих ценностей не только оправдано, но и необходимо. Однако, встает вопрос: а каким образом это сделать? Где та инстанция, которая может взять на себя ответственность за такого рода формулировки? В России всегда была сильна роль государства, и оно предложило свой вариант.

Общими ценностями, которые российское государство обязуется охранять и укреплять, являются традиционные духовно-нравственные ценности, к которым относятся *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России* [Указ Президент РФ № 809 от 9.11.2022]. С одной стороны, такое представление об общероссийских ценностях весьма содержательно. С другой стороны, весьма расплывчато. Давайте постараемся понять, что такое духовно-нравственные ценности.

Ничто из того, что мы считаем обладающим для нас наивысшей ценностью, не является таковым независимо от нашего выбора, сознательного или бессознательного. К примеру, если человек считает наивысшей ценностью для себя большой денежный счет в банке, независимо от того, как мы оцениваем этот его приоритет, для него самого это будет актом выбора, свидетельствующим о том, как и чем живет его душа. Быть может, справедливо охарактеризовать эту позицию как позицию алчного человека. Но наличие или отсутствие алчности в душе человека есть результат волевого устремления субъекта, который внутри себя может охарактеризовать это качество как благоразумность или дальновидность. В действительности эта «алчность» или «дальновидность» будет не итогом рационального осмысления, ибо разум способен привести аргументы как «за»,

так и «против» наличия больших счетов в банке, и не следствием инстинктивного побуждения, ибо тело нуждается в пище, а не в цифрах на счету в банке, а формой жизни его души, какой бы вид она не приняла.

Где же тот критерий, который позволяет назвать высшую ценность конкретного человека духовной или материальной? Счет в банке в определенном смысле не материален, это просто знаки. Хотя он и создает определенные материальные возможности. Но также можно сказать, что и щедрость (которая сама по себе в обозримом мире неуловима) создает определенные материальные возможности, поскольку вызывает чувство благодарности у благопринимателя, которое потом может выразиться в распространении доброй славы о благотворителе, а этот ресурс, в свою очередь, привести к новым знакомствам, способствующих карьерному росту.

Научное знание, стремящиеся к объективности, не может дать такого критерия, который однозначно отделит духовное от материального, поскольку эти понятия не имеют строгого определения, а ценностные предпочтения, повторимся, всегда связаны с субъективным выбором человека. Оценивать же субъективный выбор возможно либо со своих субъективных позиций (таково мое мнение или убеждение), с либо позиций intersубъективных (таково общественное мнение или коллективная убежденность), либо позиций, основанных на религиозной вере (это так, потому что это согласно с высшей, независимой от изысканий человеческого разума, истиной). В этом смысле, когда противопоставляются духовные и материальные ценности вне контекста какого-то цельного мировоззрения, - личностного (субъективного), идеологического (intersубъективного) или религиозного (основанного на вере как интуиции достоверности [\[24\]](#)), - это противопоставление оказывается расплывчатым, «красная линия», мягко говоря, не очевидной. Без предварительного пояснения того, что понимается под духовным и каким образом духовная активность выражает себя в психической жизни конкретного человека, определяющей его поведение, возникает неясность, всегда чреватая лжетолкованиями.

Проблема соотношения нравственного и безнравственного в современной культуре не менее запутана, чем проблема соотношения духовного и материального. Хорошо известно, что те или иные представления о добре и зле, о допустимом или недопустимом, могут разительно отличаться от одного общества к другому. Каким из этих представлений мы отдаем предпочтение? И почему? Если мы придерживаемся той точки зрения, что все культуры равнозначны и равноценны, то предпочесть одну в пользу другой невозможно иначе, как на основе субъективных или intersубъективных переживаний и опыта. Должно ли государство в своей политике опираться на субъективные переживания тех или иных личностей, или intersубъективные впечатления отдельных групп, пусть и социально значимых, но все же не составляющих всего общества? Быть может, эта проблема не стоит так остро в культурно однородной среде, но в современных сообществах трудно встретить культурно-однородные образования, охватывающие многочисленные по населению страны, и уж, тем более, мы не можем говорить о культурной однородности столь сложной по своему составу страны как Россия. Значит, речь не может идти о нравственном как о таких нормах поведения, которые каждый россиянин безусловно принимает как должные, ведь представления о добре и зле конкретного человека складываются под влиянием множества факторов: воспитания в семье, региональной среды, влияния друзей и наставников, информации, получаемой через масс-медиа и мн. др. В разнородной культурной среде и влияния эти разнородны.

И содержание категории «духовные» и содержание категории «нравственные»

неочевидны, и, хотя сами ценности перечислены, их смысловые интерпретации могут серьезным образом разниться. К примеру, у таких понятий как справедливость и гуманизм может быть множество коннотаций, их отчетливый смысл становится ясен только в контексте общей системы ценностей, где прослеживается логика взаимосвязи одних ценностей с другими. Следовательно, «духовно-нравственные ценности» как понятие, взятое само по себе, без раскрытия его содержания, для большинства россиян будет такой абстракцией, которая не дает четких ориентиров, не создает общее поле смыслов.

Ценности и традиции: проблема источника

Вероятно, именно понятие «традиционные» выступает в качестве той категории, которая призвана устранить возникающую неясность в отношении того, что содержательно имеется в виду, когда защита духовно-нравственных ценностей постулируется в качестве одного из главных ориентиров государственной политики. Традиционное – это то, что противоположно новационному, сложившееся в прошлом и ставшее устойчивым благодаря преемственности поколений. Согласно новой философской энциклопедии, «традиция – это способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох» (В.И. Толстых)^[14]. Понятия наследия и преемственности для определения традиции и традиционного ключевые. Когда мы говорим о традиционных ценностях, главный вопрос, который возникает, состоит в том, а какая традиция берется в качестве источника ценностей?

Прежде всего, стоит отметить, что среди социально значимых традиций существуют традиции религиозные и нерелигиозные. Среди религиозных традиций есть монотеистические традиции, к которым относится широко распространенные в нашей стране христианство, ислам и иудаизм. Согласно опросу общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в 2021 году, доля православных среди населения страны составляет 66% (цифры социологических исследований по этому вопросу порой значительно разнятся, поэтому не считаем себя в праве утверждать, что это точная цифра). Большинство из тех, кто называет себя православными, не участвует регулярно в церковной жизни, то есть являются людьми невоцерковленными. В этом смысле приверженность православной традиции является для них скорее формальной, чем реальной, поскольку не влечет за собой определенных обязательств, осуществляемых на практике.

Доля людей, исповедующих ислам, составляет, согласно исследованиям ВЦИОМ, 8% населения. Отметим, что лидеры мусульманских организаций называют цифру в 20 млн. человек, что составляет 14 % населения. Как мы видим, в этом вопросе цифры тоже сильно разнятся. Так или иначе, в России проживает около 40 народов, большинство представителей которых традиционно исповедовали ислам. К регионам, с преобладающим мусульманским населением, относятся Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Башкортостан и Татарстан.

По мнению президента Федерации еврейских общин (ФЕОР) Александра Бороды, в России проживает около 1 миллион евреев, из них только чуть более 200 тысяч являются активными членами общин. Согласно переписи населения, евреев в России около 150 тысяч. Учитывая теснейшую связь между иудаизмом как религиозной и культурной традицией и этнонациональным самосознанием евреев, можно предположить, что иудаизм исповедует в нашей стране от 100 до 200 тыс. человек. В процентном соотношении с общей численностью населения показатель невысокий.

Кроме религий монотеистических есть религии нетеистические, к которым относится конфуцианство и буддизм, последний также является традиционным для нашей страны, как минимум для пяти субъектов Федерации, а именно: Бурятия, Тыва, Калмыкия, Республика Алтай и Забайкальский край. По сведениям Буддийской Ассоциации России, число людей, исповедующих буддизм, колеблется в пределах 1,5-2 миллионов. Согласно исследованиям ВЦИОМ, их около 1 млн. человек.

По данным всероссийского исследования «Атлас религий и национальностей», проведенного исследовательской службой «Среда» в августе 2012 года, доля людей, исповедующих языческие верования, поклоняющихся богам или силам природы, составляет около 1,7 млн или 1,2 % населения страны. За минувшее десятилетие, эта цифра могла измениться, но вряд ли радикально. Интересно, что Третий всероссийский съезд шаманов, прошедший в Кызыле в 2021 году, обратился к властям с предложением придать шаманизму статус одной из традиционных религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. По данным съезда в России работает около 4 тыс. шаманов, и их число ежегодно растет.

Доля неверующих в России в 2021 составляла 14% или 20 млн. человек (по данным ВЦИОМ). Многие из «неверующих» идентифицирует себя как атеистов. Если рассматривать атеизм, как ясно обозначенную мировоззренческую позицию, связанную с культурной тенденцией, берущей начало в нашей стране не позднее чем с XVIII века, с первых вольтерьянцев, появившихся в Российской Империи под влияние идей философов Просвещения, будет справедливо утверждать, что атеизм также является традиционным для России. В Советском Союзе атеизм был частью государственной идеологии. Очевидно, что в таком качестве он оказал существенное влияние на массовую культуру и ценностные ориентиры советских граждан. Сформировалась советская культурная и философская традиция, элементом которой стал атеизм. Отрицать это, значит отрицать собственное прошлое.

Таким образом, мы насчитали, как минимум, пять больших традиций (с точки зрения религиозных предпочтений или их отсутствия), распространенных на территории нашей страны: православие, ислам, буддизм, шаманизм, атеизм. Количество людей, в той или иной мере приверженных им, более 1 млн. человек для каждой, поэтому очень условно мы называем эти традиции «большими». Здесь мы опускаем те факты, что наряду с православными существуют другие христианские конфессии (католиков и протестантов в нашей стране соответственно около 300 тыс. и 150 тыс. человек), что староверы (а их около 400 тыс. ч.) не признают православные обряды, принятые РПЦ, что ислам и буддизм также неоднородны, что шаманизм и язычество не представляют из себя чего-то цельного, хотя при этом обладают рядом общих характерных черт, сохраняющихся у этих народных верований на протяжении веков, а советский атеизм как таковой уже практически ушел в «архив», и лишь небольшая часть атеистов сохраняют верность положениям классического марксизма. Отстраняясь от этих фактов, которые, безусловно, имеют значение для адекватного понимания общества, в котором мы живем, сосредоточим внимание на пяти названных традициях в ракурсе постановки вопроса о наличии общей логики смыслов и системы ценностей.

Можно ли утверждать, что системы ценностей, их внутренние логики, лежащие в основе больших традиций России идентичны? Представляется не подлежащим сомнению, что нет. Для верующих монотеистов высшей ценностью будет являться Бог, воспринимаемый как абсолютное благо, и все остальные ценности будут находить свое место и свой смысл через обнаружение своей связи с этой высшей ценностью. Однако для христианина Бог предстает в лице человека, Иисуса Христа, а для мусульманина это не

так, более того, сама мысль о том, что человека, пусть и святого, можно уподобить Богу, будет для мусульманина кощунственной.

Для атеиста никакого Бога, как абсолютного начала и творца всего сущего, не существует, и, следовательно, он не может являться для него высшей ценностью. Большинство современных атеистов тяготеют к той или иной разновидности гуманизма, одной из которых являлся и советский марксизм, при некоторых оговорках. Высшей ценностью в гуманистической мысли выступает сам человек. Ценность человека значима и для теиста, но там она понимается совершенно иначе, через взаимосвязь человека и Бога, и в этом смысле светский гуманизм и религиозный гуманизм – это две разные вещи, которые лишь условно мы объединяем общим словом.

Для буддиста главной целью жизни будет достижение состояния нирваны, а ценным все то, что приближает его к этому состоянию, в особенности истина (не научная, а метафизическая), которую человек познает в мистическом акте самосозерцания, и которая делает его свободным от страстных желаний, делающих неизбежным страдание любого живого существа [\[20\]](#).

Для последователей шаманизма очень важным будет являться культ предков и поклонение потусторонним духам. Впрочем, сказать однозначно, что будет являться высшей ценностью для приверженцев древних языческих верований сложно в силу чрезвычайной их разнородности, однако их логическая несовместимость с христианством, исламом и атеизмом также не вызывает сомнения.

Таким образом, системы ценностей, лежащие в основе больших традиций, присутствующих в общем пространстве российской культуре, различны. Из этого, впрочем, не следует что между ними нет пересечений, что ряд ценностных ориентиров не повторяют друг друга, что нет точек сопряжения, через которые возможно наладить взаимопонимание или, по крайней мере, диалог между представителями разных культурных миров. Однако нельзя сказать, что существует одна доминирующая в пространстве российской цивилизации традиция, непротиворечивым образом постулирующая верифицируемую независимым наблюдателем систему ценностей. Когда мы говорим о системе, мы подразумеваем, что существует не просто список ценностей, который во многих культурах повторяется [\[10\]](#), а определенная стройность этих ценностей, наличие связей между ними, которые и позволяют понять смысл той или иной ценности в общем представлении о благе и о том, как оно может быть осуществлено.

Быть может, под «традиционным» в контексте разговора о духовно-нравственных ценностях понимается не религиозное/антирелигиозное наследие, а те традиции и нормы, которые существуют на уровне этнических культур? В России проживает 193 этнические группы, каждая из которых выделяется культурных своеобразием. Можем ли мы говорить о какой-либо одной культурной традиции, характерной для всех этих этносов? Безусловно, между народами исторической России на протяжении веков происходил культурный обмен, который взаимообогащал их, способствовал их развитию и согласию. Однако мы не можем сказать, что сформировалась одна этническая культурная среда, транслирующая один «нравственный» образ жизни. Русский язык является объединяющим для всех нас. Но ключевые особенности менталитета русского этноса не передались, да и не могли передаться другим этносам, скажем, якутам или чеченцам. Это не умаляет значения русских в деле укрепления связей между братскими народами, ведь именно благодаря терпимости и уважению, которые русские проявляли по отношению к другим народам, на протяжении столетий удавалось поддерживать

дружбу народов на столь обширной территории.

Этнические культуры очень разнообразны, и мы должны быть честны в том, что некоторые традиции, ушедшие безвозвратно в прошлое, или даже еще не ушедшие до конца, не только не нуждаются в защите, но, наоборот, требуют искоренения, и это связано с общим процессом развития этоса человека и человечности как таковой. К примеру, традиция кровной мести, которая по-прежнему широко распространена среди некоторых народов Кавказа (раньше, к слову, она была распространена и среди славян). Или традиция типшара («сухая беда» с чув.), самоубийства путём самоповешения или самосожжения с целью отмщения врагу и указания на собственную невинность, распространенная среди чувашей и некоторых других финно-угорских народов Поволжья. К счастью, эта традиционная практика практически исчезла в советское время, но отдельные случаи были зафиксированы и в наше время. Неужели кто-то действительно считает полезным сохранять такое культурное наследие, беречь такие традиции?

Соотношение традиционного и новационного в контексте разговора о ценностях, объединяющих многосоставное общество, не должно быть понято примитивно, ибо цена за ошибочное понимание будет слишком велика. В этом соотношении всегда была и будет диалектическое единство. Общество не способно воспроизводить себя, не имея традиционных институтов и норм, передающихся из поколения в поколение. Они обеспечивают преемственность и устойчивость. Но и без обновления, без назревшей трансформации общество окажется не способным отвечать на исторические вызовы, а значит его место займут те сообщества, которые оказались более адаптивными и творчески состоятельными. В исторической динамике есть место для творчества, иногда даже для глубокого перерождения. Порой перемены происходят слишком часто, порой они слишком радикальны, что было характерно для России XX века, пережившей две цивилизационные катастрофы, два слома общественного бытия менее чем за 80 лет. Тогда накапливается усталость от перемен, и случается консервативная реакция. И это естественно. Но в этом нет решения проблемы, ибо реакция всегда ситуативна, она не способна выработать стратегию развития.

Вечные ценности и единство многообразия

Выработка стратегии развития подразумевает, что мы намечаем цели, которые значимы не только с точки зрения адаптации к меняющимся историческим условиям, или, говоря проще, с точки зрения выживания общества, но и с точки зрения перехода его на другой уровень как живой реальности или, говоря иначе, обретения принципиально нового качества существования. Что это должно быть за качество? Оно и определяется теми ценностями, которые разделяются всем обществом. Если мы придерживаемся либеральных ценностей, то речь будет идти об увеличении степеней личной свободы человека. Если для нас важны социалистические ценности, то вопрос будет ставиться о таком способе решения проблемы собственности, при котором исчезает социальное неравенство в производственных отношениях и процессе распределения результатов коллективного труда. Если нам близки националистические воззрения, то в качестве ведущего приоритета будут выбраны интересы нации. Правда, последние также понимаются по-разному, но очевидно, что они не совместимы с потерей обществом своей национальной идентичности, языкового и культурного своеобразия. Упрочнение или закрепление такого своеобразия может полагаться одной из главных целей стратегического развития.

Так решают этот вопрос классические идеологии, возникшие в Европе в эпоху Нового

времени. Но почему нужно признавать правоту за одной из этих идеологий? Или даже частичную за всеми? Где найти критерий, позволяющий выпутаться из путаницы ценностей и ориентиров развития? Если мы считаем, что за основу нашей системы ценностей следует взять ни одну из классических или постклассических идеологий, выработанных в ходе постсекулярного дискурса, а традицию, то какая из множества существовавших и существующих традиций должна быть выбрана в качестве опорной, и почему именно она? И разве не будет справедливым говорить о либеральной или социалистической традиции?

Для того, чтобы подойти к решению этого комплекса проблем, представим социокультурную реальность в форме простой сферы. Проведем внутри нее три линии, перпендикулярные друг к другу: X, Y и Z. Линия X задает пространственные координаты. Линия Y задает временные координаты. Линия Z задает координаты духовного восхождения, понимаемого как выход в сферу метафизической реальности. Если мы рассуждаем о традиционном, оставаясь на плоскости, задаваемой линиями X и Y, то мы должны будем признать, что существует обилие геолокальных традиций, некоторые из которых возникли в древности и уже прекратили свое существование (например, традиции древнеегипетской цивилизации), некоторые остались в реликтовом виде как отголоски минувших эпох (например, традиции африканских племен), третьи дошли до нашего времени и широко распространены в своем культурном ареале (например, исламская традиция), четвертые находятся в процессе становления и пока неясно случится ли им стать традициями в полном смысле этого слова (к таковым, на наш взгляд, относятся вера бахаи). Признавая многообразие традиций как во временном, так и в пространственном интервалах, мы не можем не признать и того, что те ценности, которые они собой постулируют и передают от поколения к поколению, также подвергаются изменениям во времени, и порой кардинально отличаются от народа к народу, в зависимости от цивилизационных и этнических особенностей данных сообществ. Это общеизвестная истина, которая, как нам кажется, не требует специальных доказательств.

Конечно, бытующий обычай, принятая норма или народное верование, которые мы также можем рассматривать как часть традиции, не всегда напрямую связаны с базовыми ценностями геолокальной культуры. Но, во-первых, пусть и косвенно, но связаны, а, во-вторых, системы ценностей, полностью воспроизводятся только в рамках больших традиций, включающих в себя философскую мысль. Плюрализм и пластичность «традиционного» представляется чем-то неизбежным, неустранимым, если мы остаемся на плоскости пространственно-временных координат. И в этом случае стремление защитить «традиционные ценности» будет равносильно желанию не выпускать из сжатого кулака горсть воды. Как не пытайся схватить и определить «традиционное» само по себе, оно будет все время ускользать, оставляя неопределенность.

Однако, если мы обратим свое внимание на третью линию координат, и откроем для себя иное измерение, в котором существует «вечное», не обусловленное пространственными и временными ограничениями, мнимая неразрешимость проблемы несводимости к мыслимому единству многообразия культурных форм, идей и представлений о благом, находит свое разрешение. Вечное не противоречит множественности, представленной во времени и пространстве, в разных эпохах и у разных народов, но оставаясь вне этой множественности «традиционного», оно всегда остается собой, выявляя себя в конкретной культуре в той мере, в которой та способна вместить в себя содержание вечных смыслов и ценностей, которые связаны с природой человека, как существа не только биологического и социального, но и духовного. Вечное не мыслится как дробное

и множественное. Разное и уникальное может существовать в вечности или быть к ней приобщено. Но за этим множеством будет находиться единое, объемлющее его, но не как совокупность, а как целое. В осознании этого единства, на наш взгляд, и есть разрешение проблемы, рассматриваемой в этой статье.

Осознавая это единство, единство высших ценностей, таких как истина, добро, красота, справедливость, свобода, творчество, и принимая это единство не как доказанную гипотезу, ибо это вопрос не решаем с помощью научных средств познания, а как интуитивно воспринимаемую достоверность [\[24\]](#), мы понимаем, прежде всего, ценность самих традиций. Их ценность заключается не в том, что они задают не подлежащие пересмотру или корректировке формы и нормы культурной жизни, «правильные» представления о идеальном, а в том, что они отражают в себе опыт приобщения человека к вечному и выявляют в этих нормах, представлениях и идеалах содержание духовного опыта поколений. Слепой отказ от традиции есть отказ от опыта жизни предшествующих поколений, а значит и отказ от духовного богатства, переданного ими нам. Но слепое инерционное повторение традиционного образа жизни есть отказ от возможности умножения этого богатства через творческое преображение человеческого бытия. Не опора на традицию, как неизменную данность, необходимы, но и не отрицание ее значения, а уважительное отношение к традициям с устремленностью в лучшее будущее и опорой на вечность. И в этой опоре будет найдена подлинная любовь как преобразующая сила. Как глубоко замечает Н.А. Бердяев: «Ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви. Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к вечности, если оно есть выход из времени, если оно, по выражению Кирхегардта, атом вечности, а не времени» [\[1, с.47\]](#).

Введение категории «вечного» непротиворечивым образом задает представление о сущности самого человеческого существования. В человеке есть вечное начало. Его раскрытие происходит во времени. Вечные ценности, которые устремляют человека к постижению и раскрытия этого вечного начала в самом себе, а также в других людях, позволяют выстроить иерархию жизненных ориентиров, не отрицая ценностей преходящих, но определяя для них свое, подобающее им, место. Так в начале статьи мы поставили вопрос о том, может ли большой денежный счет в банке квалифицироваться как духовная ценность, поставив под сомнение очевидность того, что таковой она не является. Если же мы посмотрим на этот вопрос, используя категорию «вечного», то найдем на него удовлетворительный ответ.

Сколько бы человек не прожил, раньше или позже, он прекратит свое существование как личность, имеющая это тело и этот социальный статус. Исчезнет ли он насовсем, растворившись в пустоте, или перейдет в другой мир как свободная от плоти душа, все накопленные денежные сбережения останутся здесь, в этом мире, и больше не будут представлять для никого никакой ценности. Деньги сами по себе, как средства реализации задуманного, могут послужить различным целям. И многие цели (хотя далеко не все) в этом мире не достигаются без денег. Так если мы понимаем ценность денег как соотношенную с более высокими ценностями, она становится ценностью соподчиненной. Скажем, для успеха благотворительного проекта необходимо собрать большую сумму денег, и в этом будет проявлена ценность денег как средства для претворения в действительность более высокой ценности милосердия, коренящейся в духовной (вечной) природе человеке.

В том же случае, если обладание большим количеством денег является ценным для нас

само по себе, мы замыкаемся в своих ориентирах на преходящем, на том, что мы неизбежно потеряем. И если духовное понимается нами как то, что устремляет к вечному, а материальное как то, что увлекает во временное, тогда ранжирование ценностей как духовных и материальных обретает определенность. Так милосердие как ценность духовного порядка не дает или во всяком случае не гарантирует человеку получение каких-либо временных благ (вроде достатка, почтения или здоровья), ибо предполагает, что человек совершает акт помощи нуждающемуся, не ожидая ничего взамен. Но, не гарантируя ничего во временном, преходящем мире, она при своей реализации приносит человеку чувство духовной радости, то есть приобщает человека к чему-то такому, что не найти в этом вещественном мире, но, тем не менее, реально ощутимого душой. И, наоборот, если человек добивается материального благополучия за счет других людей, лишая их жизненных ресурсов, он, конечно, тем самым приобретает вещественные блага, которые, заметим, раньше или позже уйдут от него, но тем самым лишает себя радости быть сопричастным к вечному, делает нищей свою душу.

Вечное благо, которое открывается через вечные ценности, не фиксируется жестко в языке, ибо невыразимо, хоть и содержательно [\[23\]](#). Но содержание его уясняется ко времени и к месту, в данных обстоятельствах, а не вообще и для всех сразу. Так становится понятным не только наличие множества традиций, но и их значение для исторической и духовной жизни народов. Жизнь духа предстает в разных формах, нуждается в разных символах, регулируется отличными друг от друга нормами [\[20\]](#). Но поверх многообразия, в ином измерении от него, находится единство, которое просто есть, независимо от того, обнаружено ли оно человеком или нет. Движение сознания и воли по направлению к вечному благу через познание того, что по-настоящему ценно, есть возвращение человека к себе самому, себе настоящему. И это есть возвращение общества к своей подлинности тогда, когда такое движение приобретает характер социального феномена. И поскольку этот процесс есть процесс происходящий сейчас, в настоящем, и при этом выводящий из временного измерения, он не требует от нас апелляции к «одной из» культурных традиций или даже ко всем сразу, он требует от нас обнаружения вечного смысла в тех действиях, которые мы совершаем в данных исторических обстоятельствах, в соизмерении того коллективного ответа, который мы даем на исторический вызов, с тем, что само по себе не находится в истории, хотя и определяет ее ход непостижимыми путями.

Сакральное вечное отражено в традициях, но по-разному. И потому такое возвращение к традиционному верно будет понять как возвращение к опыту вечного, а не опыту воспроизводства прошлого. Так понимаемые традиционные ценности, то есть как ценности, источник которых находится не в какой-либо определенной исторической культурной традиции, а в самой вечности, есть духовно-нравственные ценности, которые соединяют прошлое и будущее, а не разрывают историческое полотно.

Понимание христианских ценностей как вечных ценностей было характерно для представителей русской религиозной философской мысли, таких как В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, И.А. Ильин [\[3\]](#), которые стремились творчески осмыслить христианскую традицию и, выявив в ней вечное содержание, вывести его в новые смыслы и предложить оригинальное прочтение ряда этических, гносеологических и политико-социальных вопросов. Показательны в этом отношении слова П.А. Флоренского. «А из глубины души, – пишет русский философ, – подымается нестерпимая потребность опереть себя на "Столп и Утверждение Истины", < ... > – не одной из истин, не частной и дробящейся истины человеческой, мятущейся и развеваемой, как прах, гонимый на горах дыханием ветра, но Истины все-целостной и

вековечной, – Истины единой и Божественной, светлой-пресветлой Истины, – Той "Правды", которая, по слову древнего поэта есть "солнце миру"» [\[22\]](#). Той Истины, которая, согласно словам Спасителя, есть Путь и Жизнь, в которой раскрывается Благо и средства его обретения.

Изложенное нами представление также смыкается с идеей о Вечной Традиции, последовательными сторонниками которой были Рене Генон, Ананда Кумара свами и Матжиои [\[13\]](#). Вечная Традиция – это не традиция, которую можно понять как культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение, она не существует во времени. Она – из иного мира. Но в этом, вещественном, осязаемом мире она проявляет себя, более того, она есть источник великих религий и культур мира, но не исток, который бы находился в древности, где-то и когда-то, а исток, который постоянно изливается через тех, кто приобщен к Ней, сопричастен Вечности, здесь и теперь. Это замечательно поясняет Т. Б. Любимова:

«При слове «истоки» современный человек вспомнит скорее всего о древности, об истории, «откуда есть пошла» та или иная традиция. Однако речь идет об изначальной Традиции не в смысле возникновения ее во времени. Согласно учению, которое мы рассматриваем, это вечная Традиция, она имеет начало не во времени и в каком-то определенном месте, а вне этих условий существования, в безусловном» [\[13, с.82\]](#).

Однако современный человек, не понимающий глубины и значения традиционного как «извечного», все путает, и даже пытается разобраться, поставить все на свои места, но опираясь в этом своем стремлении лишь на формальную логику и методы исследования позитивной науки по-прежнему упускает.

«Прискорбное смешение с различными внешними формами культуры, обрядами, привычными элементами образа жизни, мышления, выражения чувств с подлинной интеллектуальной и метафизической традицией, которая не зависит от обстоятельств места и времени, характерно для современного человека. Это свойственно не только обыденному образу мысли, но и исследователи тоже часто смешивают два плана, доходя иногда до абсурда, называя так самые неустойчивые и эфемерные вещи, вроде моды. Тем не менее, Традиция каким-то образом присутствует в символах, оставаясь всегда вне времени, поддерживается людьми, которые считаются посвященными. Мы же можем только представить учение этих мыслителей в аспекте, обозначенном в заглавии. Матжиои, Р. Генон, А. Кумарасвами считают, что Восток сумел сохранить принципы Традиции в гораздо большей степени, чем Запад. Между способами восточного и западного мышления существуют фундаментальные различия, поэтому привычные для западных ориенталистов схемы объяснения и методы исследования (сравнительный, исторический) ведут к ложным интерпретациям традиционных доктрин и символов» [\[13, с.87-88\]](#).

Поэтому и отношение к позитивной науке у сторонников *Philosophia Perennis*, которая отождествляется с Вечной Традицией в ее интеллектуальном измерении, весьма критическое. Рене Генон, подчеркивая поверхностность познаний ученых, пишет на эту тему следующее: «Это (*Вечное Знание* – И.У.) остаётся полностью непонятным современными учёными, которые охотно хвалятся тем, что с помощью своей профанной концепции науки они сделали науку независимой от метафизики, а также от богословия, в то время как на самом деле они тем самым только лишили науку всякой реальной ценности в плане знания. Вместе с тем, если наступает осознание необходимости снова соединить науку с областью метафизических принципов, само собой разумеется, нет

оснований останавливаться на этом, и весьма естественно произойдет возвращение к той традиционной концепции, согласно которой некоторая частная наука, что бы она собой ни представляла, сама по себе имеет меньшее значение, чем возможность использования её в качестве «вспомогательного средства» для перехода к знанию более высокого порядка» [41]. Вечная Традиция утверждает вечную (метафизическую) истину, вечное (всеобщее) благо и вечные (нелокальные) ценности.

В таком смысле традиционные и вечные ценности – это одно и то же. Но термин «традиционные», как указывающий на принадлежность к Вечной Традиции, для большинства из нас, получивших образование в каноне западной рациональности, вряд ли будет распознанным в этом смысле без специальных пояснений. Учитывая необходимость использования в официальных государственных документах максимально прозрачных терминов, представляется более целесообразным, если, конечно, мы разделяем такой - метафизический - ракурс взгляда на общие ценности, использования термина «вечные». Тем более, что понятие Вечной Традиции, как перевод соответствующего термина Рене Генона с французского языка, неудобно еще и тем, что, как и всякий сложный переводный термин, он должен пройти долгий путь прежде, чем станет (или в результате этого пути так и не станет) органичным для русского языка. Органичность и традиционность – тоже связанные вещи. Все жизнестойкое, прочное, обладает качеством органичности. И, кстати, слово «традиция» по своему происхождению – латинское, а «вечность» – исконно русское, прославянское. Вечные ценности – это органичное, естественное словосочетание для нашего языка, а у языка, в самой логике его становления, есть своя правда.

Ценностно-ориентированная политика и парадигма развития

Если человек со всей ответственностью задается вопросом о смысле и ценности своей жизни, само это вопрошание обращает его к экзистенциальным смыслам, разрушая причинно-следственную цепь бытования и обнажая глубину бытия, не сводимого к одной очевидной видимой причине [11]. То, что справедливо в отношении отдельной личности, будет справедливо и для общества. Вечные ценности – это такие ценности, приверженность которым выводит общество из порочного круга исторического рока. Исторический рок есть неизбежность трагического характера исторического процесса, парадигма которого задается или некритическим заимствованием моделей жизнеустройства из собственного исторического прошлого, или проектированием искусственных моделей развития на основе чужеродного опыта других цивилизаций. Вечное находится вне времени. Для живущего вечным вопрос заключается не в том, как сохранить традиционное, и не в том, как ускорить модернизацию, а в том, как привести в соответствие данное в мирском опыте существования с опытом надмирной реальности, или, говоря иначе, тварное (со-творенное) и нетварное (не-сотворенное).

Историческое развитие при наличии таких ценностных ориентиров происходит не через отрицание прошлого, не в уповании на реализацию очередной утопии, отсылающей к прекрасному, но несбыточному будущему, но также и не через консервацию, «замораживание» традиционного, каким бы значимы оно не было. Такое развитие предполагает преображение действительности в свете высшего образа, открывающемуся человеческого взору в опыте приобщения к вечному бытию. Сам акт такого приобщения есть акт духовный в том смысле, что он подразумевает выход из собственной ограниченности как персоны, замкнутой в пределах череды временных событий. В этом его трудность, и в этом его сила.

Ценностно-ориентированная политика, понимаемая в таком смысле, есть политика,

ориентированная на защиту духовной (вечной) природы человека, которая, однако, раскрывается лишь благодаря усилиям самого человека, а не является результатом действий политических механизмов и институций. Трезвое восприятие политической сферы, взятой в ее соотношение с другими сферами жизнедеятельности человека, способно обезопасить от увлечений утопическими проектами и надеждами на построение «рая на земле» политическими средствами. Общественный идеал необходим, но не как прямое руководство к действию по осуществлению совершенного общества прямо здесь и сейчас, несмотря ни на что, а как напоминание о высшем смысле и абсолютном содержании истории, в конкретный момент которой возможно лишь частичное приближение к этому идеалу, то есть воплощение относительной правды, совершенствование как динамический процесс, а не совершенство как законченная данность. В этой связи уместно будет вспомнить размышления П.И. Новгородцева, проведшего фундаментальное исследование на тему общественного идеала.

«Признавая необходимым понятие абсолютного идеала в качестве исходного и руководящего начала общественной философии, мы вместе с тем должны признать, что мыслить этот идеал всецело осуществимым в условиях обычной действительности ошибочно и ложно. Необходимо иметь перед собой такой идеал для того, чтобы в свете его созерцать прогресс общественных форм, чтобы иметь критерий для различения вечных святынь от временных идолов и кумиров, чтобы знать направление, в котором следует идти. Необходимо иметь уверенность, что этот идеал есть не отвлеченная норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью, что человеческие дела могут приобщаться этой высшей правде и проникаться ею. Но надо помнить, что всецелое осуществление абсолютного идеала в мире человеческих отношений есть выход из обычных условий, есть чудо всеобщего преображения и, как таковое, лежит и вне человеческой мощи, и вне философского предвидения. В качестве чуда и тайны оно не может составлять предмета общественной философии: оно доступно лишь верующему сознанию» [\[15, С.59-60\]](#).

Понимая ограниченность политических средств как таковых, мы должны признать и то, что без государства как одного из центральных институтов общества, защита человека как личности, имеющей идеальную перспективу для своего развития, невозможна. Экологические, военные, экономические, геополитические, гуманитарные, информационные угрозы, с которыми сталкивается человек в современной мире, встают перед ним неотвратимо, и справиться с ними самостоятельно, вне организованного взаимодействия с другими людьми не представляется возможным. Государство как институт, организующий взаимодействие и пространство совместного проживания людей, обязано нести ответственность за противодействие тем угрозам, которые встают перед обществом и человеком. Но какова должна быть стратегия этого противодействия?

Ценностно-ориентированный подход подразумевает, что в виду имеется ориентиры духовного совершенствования человека, говоря языком христианской философии, реализации богочеловеческого совершенства, который в качестве первоначального образа заложен в каждом из нас. Непосредственная реализация его есть личная ответственность человека, ответственность же государства в том, чтобы создать условия (социально-экономические, политико-правовые, военно-геополитические, информационно-культурные), при которых эта реализация станет достижимой без ухода человека из данного общества, при которых закон и право, социальная стратификация и экономические отношения не будут входить в антагонизм со стремлениями человеческого духа.

Ценностно-ориентированное развитие не будет результативным, если мы будем полагать, что оно осуществимо лишь в одной из сфер жизнедеятельности человека. Человек как цельная личность тогда лишь остается цельным, когда ценности, которыми он руководствуется, пронизывают всю его жизнь. Конечно, вечные ценности, как принадлежащие к сфере идеального, не осуществимы до конца, всецело, в несовершенной действительности, но задавая идеальную перспективу, они делают оправданным совершенствование человека и мира для него самого. И так человек, преодолевая собственную ограниченность, возвышается над собой прошлым через становление иным. По мнению П.С. Гуревича, «будучи вне места и времени, человек делает возможным переживание самого себя и одновременно переживание своей безместности и безвременности, как стояния вне себя. Он положен в свою границу и потому переступает ее, ибо как всякое живое, он не удерживается в своих границах. Человек устроен таким образом, что всегда стремится стать иным, не таким, каков он есть в данный момент» [\[7, с. 143\]](#).

Так же, как и развитие человека, развитие общества, если рассматривать его сквозь призму отдельно взятой сферы, будет выглядеть разорванным, односторонним. Ценностно-ориентированная политика не может быть эффективной в отрыве от ценностно-ориентированного бизнеса и ценностно-ориентированного образования и науки. Перестройка всех сфер жизнедеятельности общества на новый лад – процесс долгий и трудный. Однако прежде, чем ставить вопрос о новой парадигме развития общества, следует понять природу того цивилизационного поворота, совершение которого с необходимостью, вызванной военным противостоянием России и Запада, встало как исторический вызов перед российским обществом.

Культурно-исторический типы, согласно Н.Я. Данилевскому, пионеру цивилизационного подхода в науке, естественным образом стремятся к расширению [\[9, с. 356-357\]](#). Это создает ситуацию противоборства, напряженной борьбы за пространство. Не всегда культурно-цивилизационные столкновения и противостояния переходят в «горячую фазу», в столкновения военные. Равно, как и не все военные столкновения носят культурно-цивилизационный характер. Но некоторые столкновения становятся судьбоносными. В интересном ракурсе иллюстрирует этот тезис следующая мысль Н.Я. Данилевского: «Если бури и грозы необходимы в физическом порядке природы, то не менее необходимы и прямые столкновения народов, которые вырывают судьбы их из сферы тесных, узкорациональных взглядов политических личностей (по необходимости судящих о потребностях исторического движения с точки зрения интересов минуты, при весьма неполном понимании его сущности) и передают непосредственному руководству мироправительного исторического Промысла» [\[9, с.352\]](#).

Особенность того процесса, через который сейчас происходит Россия, заключается в том, что СВО – это не только борьба с киевским режимом, поправшим все возможные правовые и нравственные нормы, и не только противостояние с элитами западных стран, которые этот режим поддерживают все доступными (так, чтобы не подставить под угрозу собственную безопасность) средствами, но также и народное пробуждение от иллюзий «западнизма» [\[11\]](#), мучительный выход из исторической ловушки, в которую сама Россия себя и загнала, когда решила стать частью Европы, «передовой цивилизации». Россия может существовать, оставаясь собой, только в том случае, если находит опору в самой себе, в своей культуре, в своей государственности, в своем хозяйстве, в своем народе. Она не входила ранее, и не сможет войти и сейчас в ареал другой цивилизации [\[21\]](#), поскольку сама является, выражаясь терминологией Данилевского, отдельным

культурно-историческим типом.

Украина тоже когда-то была частью общего российского цивилизационного пространства, но в ней всегда была двойственность, «междустояние». И потому увлечение России Западом, особенно остро сказалось на Украине. В контексте цивилизационной теории трагедия Украины есть и трагедия России, следствие культурного раскола, который прошелся не только по территории, но и по душам людей. И сейчас пришло (или только приходит?) осознание, что ценности постлиберального Запада для нас неприемлемы. Но отворачиваясь от него, какой курс мы выбираем?

Возвращаемся к традиционной России? Но тогда какой: царской, имперской, советской? Или же от искажений смыслов и девальвации духовных ценностей, порожденных сложным процессом модернизации, мы возвращаемся к непреходящей вечной истине и вечным непреходящим ценностям, с опорой на которые собираемся строить свой мир (свою цивилизацию)? На наш взгляд, именно такая постановка вопроса, не отрицающая значение других культур (в том числе и европейской), но углубляющая содержание родной, и в этой метафизической глубине позволяющая найти пространство для метакультурного синтеза, позволит выработать верную стратегии развития в эпоху глобальных перемен. К счастью, представляется, что такое видение никак не противоречит Указу Президента № 809, а лишь добавляет содержательную ясность понятию традиционных духовно-нравственных ценностей.

[1] На основе этого практико-философского принципа Виктором Франклом была разработана особая методика психологического консультирования, получившая название «Логотерапия» [25]. В России, развивая идеи В. Франкла, Олег Гадецкий создал свое направление в психологии, которое получило название «Ценностно-ориентированной психологии» [2]. Обе школы показали свою высокую эффективность.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., Эксмо, 2023. 544 с.
2. Гадецкий О.Г. Ценностно-ориентированная психология: универсальный подход к решению психологических проблем. М., ООО «Медиа-Полис». 2021. 456 с.
3. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., Прогресс-Традиция. 2001. 472 с.
4. Генон Р. Метафизические принципы исчисления бесконечно малых / Пер. с англ. А. Дойлидова. Минск. 2013. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55694/chitat_knigu.shtml
5. Генон Р. Кризис современного мира. М., Академический проспект. 2024. 239 с.
6. Грачев Б.В., Угрин И.М. Всероссийская научная конференция «Традиция и современность: аксиология российской цивилизации». Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 2. С. 93–111.
7. Гуревич П.С. Проблема целостного человека. М., ИФ РАН. 2004. 178 с.
8. Гуревич П.С. Преображение ценностей как чрезвычайная ситуация. М., Московский психолого-социальный институт, 2007. 120 с.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., Издательство «Родная страна», 2017. 992 с.
10. Долгов К.М. У истоков вечных ценностей. Вестник МГИМО. 2014. (2(35)). С. 227-228. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-227-228>
11. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., Канон+РООИ "Реабилитация", 2023. 496 с.
12. Киселев С.Г. Н.Я. Данилевский о войне и конфликтах цивилизаций. М., Философские

науки. 64(6). 2021. С. 109-123.

13. Любимова Т.Б. Философия и контртрадиция. М.: Голос, 2019. 292 с.

14. Новая философская энциклопедия. М., Мысль. 2010.

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>

15. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», 1991. 640 с.

16. Русский мир как цивилизационное пространство. М., ИФ РАН, 2011. 303 с.

17. Соколова Р.И., Спиридонова В.И. «Общее благо» как этическая сущность сильного государства. «Государство в современном мире». М.: ИФ РАН, 2003. 253 с.

18. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-полит. анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 212 с

19. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель, редактор и вступ. статья – Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 2001. 556 с.

20. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Спб., Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.

21. Угрин И.М. Проблема развития российской цивилизации в условиях глобализации // Философская мысль. 2018. № 6. С.9-22. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.6.26216 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_26216.html

22. Флоренский П.А. Два мира (письмо II) // Столп и утверждение Истины. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdienie-istiny/2

23. Франк С.Л. Непостижимое // Человек и Бог. Минск, 2010 г.

24. Франк С.Л. Что есть вера? // Свет во тьме. Минск, 2011 г.

25. Франкл В. Воля к смыслу. М., Альпина нон-фикшн. 2020. 228 с.

26. Фролов В.В. Духовные откровения П.А. Флоренского о смысле жизни человека. Общественный научно-просветительский журнал «Педагогика Культуры». URL: https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=7284

27. Ценностно-мировоззренческая специфика жителей столиц и регионов // Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность 15 пятнадцать лет спустя.

Ответственный редактор: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2018. С. 178-204.

28. Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Ежи Шацкий; Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М., Прогресс, 1990. 454 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью « Категория «вечного» в контексте проблемного поля ценностно-ориентированного развития »

Предметом исследования представленной работы является традиционные духовно-нравственные ценности современного российского общества. Автор считает, что содержание категории «духовные» и содержание категории «нравственные» неочевидны, и их смысловые интерпретации могут серьезным образом разниться. Автор предлагает собственную интерпретацию этих понятий, согласно которой «духовно-нравственные ценности» как понятие, взятое само по себе, без раскрытия его содержания, для большинства россиян будет абстракцией, не дающей четких ориентиров, не создающей общее поле смыслов.

Методология исследования включает общенаучные методы , дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза, которые дали возможность

проанализировать природы общероссийских духовно-нравственных ценностей.

Актуальность работы обусловлено необходимостью исследования природы общероссийских ценностей и традиции как источника этих ценностей, о которых идет речь в указе президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», подписанного в 2022 году. В этой связи актуальным является вопрос, как разные люди понимают понятия, о которых речь идет в указе. Автор выявляет, что системы ценностей, лежащие в основе больших традиций, присутствующих в общем пространстве российской культуре, различны. Также само понятие «духовно-нравственные ценности» не являются общими, так как в их основе лежат субъективные подходы разных людей.

Научная новизна выражается в анализе автором природы общероссийских духовно-нравственных ценностей, а также многообразия религиозных, и этнических традиций, которые, по мнению автора, являются разнонаправленными и не способствуют возникновению общероссийских ценностей. Автор пытается найти критерий, позволяющий выпутаться из путаницы ценностей и ориентиров развития. В качестве этого критерия автор предлагает отказаться от координат пространства и времени в пользу вечности, не обусловленной пространственными и временными ограничениями, в которой находит свое разрешение противоречия в понимании ценностей и традиции. Введение категории «вечного» непротиворечивым образом задает представление о сущности самого человеческого существования, считает автор. Вечное благо раскрывается через вечные ценности, а сакральное вечное отражено в традиции, но не как в виде воспроизводства прошлого, а как обращение к опыту вечного. Традиция здесь понимается как интеллектуальный и метафизический феномен, как некий духовный акт и творческое начало. Ценностно-ориентированная политика, понимаемая в таком смысле, есть политика, ориентированная на защиту духовной (вечной) природы человека, которая, однако, раскрывается лишь благодаря усилиям самого человека, а не является результатом действий политических механизмов и институций. В этом контексте Россия может существовать, оставаясь собой, только в том случае, если находит опору в самой себе, в своей культуре, в своей государственности, в своем хозяйстве, в своем народе. В итоге автор приходит к идее традиционалистов (Р.Генон) и христианских философов в лице Н.А. Бердяева, Флоренского П.А. и др.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Библиография содержит 28 источников, литература соответствует содержанию статьи. Несмотря на спорность некоторых положений, статья может быть опубликована.